

*Он вернулся,
но не к ней...*

ТЕ, КОГО НЕ ДОЖДАЛИСЬ

ВАДИМ БОЧКОВ

Вадим Бочков

Те, кого не дождались

<https://litres.ru/73600779>

SelfPub; 2026

Аннотация

Его объявили без вести пропавшим в зоне СВО. Она ждала, пока могла. А потом перестала.

Он вернулся с войны живым. Но домой — уже не к ней.

Это не роман о боях и подвигах. Это история о тех, кто ждёт, верит, надеется. И о тех, кто, сломавшись, учится жить заново.

Артём выжил в воронке под обстрелом, но его настоящая война начинается после возвращения. Лена похоронила его в своём сердце, чтобы не сойти с ума. Теперь они снова рядом — но совсем другие. И между ними — чужой запах в квартире, новый замок на двери и маленькая дочь, которая зовёт другого мужчину папой.

Останется ли место для любви там, где всё пошло не по плану? Как простить, когда некому прощать? И можно ли вернуться туда, где тебя уже не ждут?

Книга, после которой невозможно забыть, что дом — это не стены. Это те, кто готов ждать, даже когда уже не надеются.

Содержание

Глава 1 – Земля	4
Артём на позиции: быт, ожидание, попытка поймать связь	4
Прилёт. Ранение. Падение в воронку	8
Сослуживцы уходят, считая его погибшим	13
Глава 2 – Тишина	19
Лена дома: перестали приходить сообщения.	19
Звонки, военкомат, состояние «подвеса»	23
Ночь: она спит в его футболке, начинает курить	28
Глава 3 – Обряд прощания	32
Приезжает Надежда Петровна. Конфликт с Леной	32
Появление Игоря (военкомат, первая встреча)	37
Лена на лавочке: Игорь молча сидит рядом	42
Глава 4 – Сосна	48
Артём в подвале у местных жителей: бред, боль.	48
Флэшбек-бред: дом, покрытый пылью	52
Эвакуация, путь госпиталями	56
Глава 5 – Призрак	60
Госпиталь: Артём учится ходить заново	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Вадим Бочков

Те, кого не дождались

Глава 1 – Земля

Артём на позиции: быт, ожидание, попытка поймать связь

Земля мокрая. Это первое, что помнит тело, когда всё остальное перестаёт иметь значение.

Артём сидит спиной к брустверу, ноги вытянуты в грязь. Бронежилет врезается в плечи. Он уже не застёгивает его – только надевает поверх флиски, когда приходит смена. Сейчас смена, он должен отдыхать, но не может. Телефон держит в левой руке, правой прикрывает экран от дождя. На экране – две серые галочки. Отправлено. Не доставлено.

Он смотрит на них уже пятнадцать минут.

Вчера было три галочки. Он успел отправить: «У нас всё нормально. Ты как?» И потом ещё: «Целую Вику». Лена ответила смайликом и голосовым, но голосовое не загрузилось. Он так и не услышал, что она сказала.

Сейчас сети нет. Совсем.

Пахнет сырой землёй, железом и чем-то сладковатым – прошлогодней листвой, которую перемешало с грунтом. Запах здесь всегда один. Он уже не замечает его, только когда подносит руку к лицу, чувствует: пальцы пахнут машинным маслом и потом. Он не мылся три дня. Воды только питьевая, и та на исходе.

В окопе темно. Сверху, над бруствером, небо серое, без разрыва. Дождь идёт ровно, без порывов. Капли стекают по пластику каски, падают на ворот. Артём не надел капюшон – в каске неудобно, а каску снимать нельзя. Вчера прилетело в двухстах метрах. Осколки прошли выше.

– Техник, спи, – говорит Костя, его сосед по ячейке. Костя сидит в противоположном конце, обняв автомат. Он не спит уже вторые сутки, но держится. У него лицо узкое, грязное, глаза красные. – Сети всё равно не будет.

– Знаю.

– Тогда чего?

Артём не отвечает. Он ещё раз смотрит на экран: две серые галочки. Потом убирает телефон в нагрудный карман – под бронежилет, ближе к телу. Там теплее, и аккумулятор не садится так быстро. Лена всегда говорила: «Ты с телефоном как с ребёнком». Раньше он терял его, ронял, забывал заряжать. Теперь проверяет заряд каждые два часа.

Костя достаёт фляжку, пьёт маленькими глотками. Вода тёплая, почти горячая. Он протягивает Артёму. Тот мотает

головой.

– Пей, – говорит Костя. – Горло пересохнет, будешь кашлять. Тут кашлять нельзя.

Артём берёт фляжку. Делает два глотка. Вода пахнет пластиком. Возвращает.

Снаружи тихо. Тишина здесь особая – не полная, а какая-то настороженная. Слышно, как где-то далеко, за лесом, ухаёт тяжёлая техника. Своя или чужая – не разобрать. Иногда ветер приносит звук, искажённый расстоянием, и тогда кажется, что это не техника, а дыхание земли. Артём уже научился не вслушиваться. Вслушиваться нельзя – сойдёшь с ума.

Он закрывает глаза. Веки тяжёлые. Тело просит сна, но в голове всё ещё работает что-то, что не даёт отключиться. Он прокручивает вчерашнее сообщение: «У нас всё нормально». Он писал это и знал, что это неправда. Нормально не было. Третьи сутки они сидят в этой ячейке, ждут смену, которая не приходит. Связь с ротой потеряна ещё вчера утром. Костя ходил на разведку к соседней позиции – там никого. Пусто. Ни своих, ни чужих.

– Если к вечеру никого не будет, пойдём на выход, – говорит Костя. Он говорит это уже в третий раз за день.

– Куда?

– К своим. Тут оставаться нельзя.

Артём не отвечает. Он знает, что Костя прав. Знает, но не может представить, как они пойдут. Нога болит. Не ране-

ние – просто отсырела старая травма, колено распухло. Он не говорит об этом. Если скажет, Костя потащит. А тащить некого.

Он открывает глаза. Достает телефон. На экране надпись: «Нет сети». Он убирает обратно.

– Лене пишешь? – спрашивает Костя. Позывной он знает, но имя жены запомнил – так проще, когда речь о ком-то вне СВО.

– Ага.

– Она знает, где ты?

– Знает. Сказал, что в зоне проведения специальной военной операции. Деталей не просила.

Костя кивает. Он сам не женат. Говорит, так проще. Артём раньше думал, что он шутит. Теперь не уверен.

Сверху, где-то над лесом, возникает звук. Другой. Не техника. Артём замирает. Костя тоже. Они смотрят друг на друга, и этого достаточно. Звук нарастает – это не дрон, это что-то тяжёлое, быстрое. Воздух начинает дрожать.

– В укрытие! – Костя срывается голосом.

Артём уже падает. Тело делает это само, без команды. Он пригибается, вжимается в грязь, руки закрывают голову. Каска стучается о край бруствера. Боль вспыхивает в виске, но он не успевает её осознать.

Потому что звук становится ударом.

Прилёт. Ранение. Падение в воронку

Удар приходит не звуком. Звук – потом.

Сначала тело подбрасывает. Это как если бы земля снизу стала твёрдой и ударила. Артёма швыряет вбок, затылок бьётся о стену окопа, и в тот же миг воздух превращается в камень. Лёгкие сжимаются. Ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Потом – звук. Он такой плотный, что его можно жевать. Гул, который не уходит, а остаётся в голове, заполняет всё, что было мыслями.

Артём лежит на спине. Глаза открыты, но он ничего не видит – только чёрное и красное. Пытается понять, где верх, где низ. Руки двигаются сами. Они ощупывают лицо, шею, грудь. Всё на месте. В ушах звон, тонкий и непрерывный, как комар.

– ...ём! – голос Кости пробивается сквозь звон. Слова не складываются, только громкость. – Техник! Техник, мать твою!

Он хочет ответить, но не может. Вместо голоса – хрип. Горло будто забито песком.

Трясёт. Это земля дрожит или он сам? Он не понимает. Пытается сесть – не получается. Тело не слушается. Он замечает, что левая нога странно вывернута. Колено. То самое колено, которое болело с утра, теперь смотрит в другую сто-

рону.

– Вставай! – Костя рядом. Его лицо над Артёмом, грязное, с чёрной полосой на лбу. Костя тянет его за бронезилет. – Вставай!

Артём чувствует рывок. Боль в ноге приходит не сразу – сначала он видит её. Видит, как нога болтается, когда Костя тащит. Потом боль накрывает. Она не острая, нет – она тёплая и огромная, она заполняет всё тело, вытесняя звон.

Он кричит. Не слышит себя, но чувствует, как горло рвётся.

Костя тащит его к воронке. Она здесь, в пяти метрах, от старого прилёта. Артём не знал, что она так близко. Костя бросает его на край, спрыгивает сам, потом стаскивает Артёма вниз. Они падают в грязь, в воду. Холодно. Очень холодно.

Сверху – второй удар. Теперь дальше. Земля снова дрожит, но слабее.

– Перевязку! – Костя рвёт аптечку. Руки у него трясутся, но работают быстро. Он разрезает штанину. Артём видит свою ногу – она опухает на глазах, кожа синее. Колено – не колено, а что-то, что когда-то было коленом.

– Жгут! – кричит Костя. Он накладывает жгут выше раны, затягивает. Боль становится другой – не тёплой, а жгучей, острой. Артём кусает губу. Пробует сосредоточиться на чём-то, что не боль. Звон в ушах. Запах грязи, крови, мокрого железа. Капли дождя падают на лицо. Он открывает рот,

чтобы поймать их, но не может – скулы свело.

– Держись, – Костя затягивает жгут ту же. – Держись.

Артём хочет сказать: «Уходи». Хочет, но губы не слушаются. Он смотрит на Костю. Тот уже не трясётся. Лицо спокойное, собранное. Он заклеивает рану салфетками, поверх накладывает бинт, быстро, грубо, но правильно.

Сверху тихо. Тишина возвращается, но не такая, как была. В ней осталось что-то тяжёлое.

– Смена не придёт, – говорит Костя. Он говорит это не Артёму, а себе. – Не придёт.

Артём закрывает глаза. Боль не уходит, но он учится с ней дышать. Вдох – боль. Выдох – боль. Он разбивает её на части, чтобы не сойти с ума.

– Ты слышишь меня? – Костя хлопает его по щеке.

– Да, – выдыхает Артём. Голос чужой, сиплый.

– Я пойду на разведку. Ты лежишь здесь. Не двигаешься.

– Не надо.

– Надо. Если они придут – ты труп.

Костя застёгивает на нём бронезилет, поправляет каску. Потом достаёт из кармана Артёма телефон. Смотрит на экран.

– Сети нет.

– Знаю.

– Я вернусь. Ты слышишь? Я вернусь.

Артём кивает. Он знает, что Костя не вернётся. Не потому, что Костя плохой. Просто так бывает. Он видел это уже.

Не здесь, на СВО, а в жизни. Люди уходят и не возвращаются. Это не предательство. Это просто.

Костя выбирается из воронки. Наверху он замирает, слушает. Потом оглядывается на Артёма. Их взгляды встречаются.

– Ленке скажи, – говорит Костя. – Чтобы ждала.

Артём не отвечает.

Костя исчезает.

Сверху снова дождь. Он идёт ровно, как и шёл. Артём лежит в воронке, смотрит в серое небо. Нога пульсирует. Жгут жжёт. В голове звон становится тише, но не уходит совсем.

Он думает о Лене. О том, что последнее сообщение, которое она получила, было «У нас всё нормально». Неправда. Она узнает, что это неправда. Может быть, уже знает.

Он достаёт телефон. На экране – две серые галочки. Не доставлено.

Он пишет: «Я жив».

Не отправляется.

Пишет ещё раз: «Жди».

Не отправляется.

Он убирает телефон. Закрывает глаза. Дождь капает на лицо, и это единственное, что он чувствует, кроме боли. Он сосредотачивается на каплях. Считает их. Одна. Другая. Третья.

Боль становится далёкой.

Он не знает, это сон или обморок. Но где-то на границе

он видит дом. Не свой – тот, где он вырос. Дом матери. Сосна у калитки. Он маленький, сидит на крыльце, ждёт отца. Отец не приходит. Он ушёл, когда Артёму было семь. И не вернулся.

Артём открывает глаза. Дождь всё идёт.

– Я вернусь, – говорит он в небо.

Сослуживцы уходят, считая его погибшим

Он не помнит, как прошёл час или два. Время становится вязким, как глина. Он то проваливается в темноту, то выныривает обратно. Каждый раз, когда выныривает, проверяет: нога есть? Есть. Жгут на месте? На месте. Телефон в кармане? Тёплый, под бронезилетом.

Дождь кончился. Небо стало светлее, но не чище – серое, плотное. Артём слышит шаги. Не один человек. Несколько. Он хочет крикнуть, но голоса уже близко, и он узнаёт их. Свои.

– ...восьмой, на связи никого. – Голос старшины. Низкий, с одышкой. – Командир сказал отходить. Всем.

– А Копейка? – Это молодой, Сашка, которого они подобрали две недели назад. Копейка – позывной Кости.

– Копейки нет. Может, вышел. Может...

– Там воронка, смотри.

Артём слышит, как они подходят к краю. Он открывает глаза. Над ним – силуэты. Три. Старшина, Сашка, ещё один – кажется, Рома. У них лица серые, грязные. Старшина смотрит вниз. Его взгляд скользит по Артёму, задерживается на ноге, на луже крови, которую разбавил дождь.

– Техник? – Старшина спускается на корточки, трогает

его за плечо. – Живой?

Артём хочет сказать «живой», но язык не слушается. Он только моргает.

– Нога, – говорит старшина. Не спрашивает, констатирует. Он смотрит на жгут, трогает его. – Правильно наложен. Кто?

– Копейка, – выдыхает Артём.

Старшина молчит. Он оглядывается на тех, кто наверху.

– Нести сможем? – спрашивает Сашка.

– Три километра до своих. – Старшина смотрит на небо, потом на лес. – Если пойдём с ним – не выйдем. Там, – он кивает в сторону леса, – они уже заходят.

– Не можем же... – Сашка не договаривает.

– Можем. – Голос старшины жёсткий. – Приказ: отходить всем, кто может идти.

Артём слышит это. Слышит и понимает. Он не злится. Странное спокойствие приходит, когда понимаешь, что всё уже решилось за тебя. Он смотрит на старшину. Тот отводит взгляд.

– Жгут держится, – говорит старшина. – Если кровотечения нет, продержится долго. Могут подобрать. Местные тут ходят. Или наши вернутся.

Он встаёт. Артём видит его сапоги – разбитые, в грязи. Потом старшина снимает с себя флягу, оставляет рядом. Кладёт две сухпайковые пайки.

– Жди, Техник, – говорит старшина. – Не двигайся. Слышишь?

Артём кивает. Он знает, что это не приказ. Это прощание. Старшина выбирается из воронки. Сверху слышен его голос:

– Выходим. Колонной по одному. Сашка, ты замыкающий.

– А если он... – Сашка не договаривает.

– Если что – потом вернёмся. Живым – вернёмся.

Артём слышит, как они уходят. Шаги удаляются, тонут в сырой земле. Потом тишина. Он один.

Он смотрит вверх. Края воронки – глинистые, с корнями. Небо низкое. Где-то далеко снова ухаёт техника, но теперь это неважно. Он не может встать, не может ползти. Может только лежать и ждать.

Достаёт телефон. Экран запотевший. Две серые галочки. Всё так же.

Он пишет: «Прости».

Не отправляется.

Телефон выключается сам – сел аккумулятор. Артём сжимает его в руке, потом убирает обратно под бронезилет. Закрывает глаза.

Боль в ноге меняется – становится тупой, пульсирующей. Он чувствует, как холод поднимается от земли, забирается под одежду. Дрожь начинается с пальцев ног – той, здоровой, – и идёт вверх. Он не может её остановить.

Он думает о том, что будет дальше. Если не придут – замёрзнет. Или кровотечение начнётся снова. Или придут чу-

жие. Мысли путаются, перебивают друг друга. Он пытается удержаться за что-то одно. За Лену. За Вику. За дом. Но образы расплываются, теряют краски.

Он снова проваливается. На этот раз темнота приходит не болью, а мягкостью. Ему кажется, что он плывёт. Тепло. Вокруг вода, но не холодная, а парная, как в бане. Он не видит берега, но знает, что надо плыть. Надо.

– Не спи.

Голос чужой. Не Кости, не старшины. Артём открывает глаза. Над ним – мужчина в гражданском. Лицо старое, морщинистое, в щетине. Шапка-ушанка сбита набок. Рядом женщина – она держит какой-то ящик, инструменты.

– Ты наш? – спрашивает мужчина. – Наш, свои?

Артём не понимает. Он смотрит на них, пытается сообразить, где он, кто они.

– Свои, – выдыхает он. Или ему кажется, что выдыхает. Губы не слушаются.

Мужчина оглядывается по сторонам. Женщина опускается на колени, смотрит на ногу. Она что-то говорит быстро, испуганно. Артём не разбирает слов.

– Тихо, – говорит мужчина. – Тихо. Мы тебя вытащим.

Они берут его под руки. Боль возвращается, но теперь она где-то далеко. Он слышит, как они переговариваются, как женщина плачет. Потом его куда-то тащат. Он не знает, куда. Не знает, зачем.

Перед тем как потерять сознание окончательно, он успе-

вает подумать: «Я жив. Я сказал, что вернусь».

Потом ничего.

Лес молчит. Воронка, где лежал Артём, заполняется водой. Дождь прошёл, но вода продолжает сочиться из стенок, собирается на дне. Фляга, которую оставил старшина, наполовину ушла в грязь. Сухпайки намокли, расползлись.

Сверху, на краю воронки, остались следы – сапоги, потом ещё чьи-то, ботинки. И длинная полоса от волочения. Она уходит в лес, теряется в кустах.

Через час к воронке подходит собака – худая, без ошейника. Она обнюхивает край, спускается вниз. Слизывает кровь с глины. Потом выбирается и уходит.

Никто не возвращается.

В трёх километрах, на позициях, старшина докладывает по рации:

– Восьмой, седьмой отошли. Потерь нет. Двое пропали без вести: Копейка и Техник.

В штабе записывают: Техник – без вести пропавший.

В городе, через два дня, к Лене приходят. Сначала участковый, потом из военкомата. Она открывает дверь в халате, с мокрыми волосами – мыла голову, когда позвонили. Смотрит на них и знает ещё до того, как они открывают рты.

– Ваш муж, Артём Сергеевич, находясь в зоне проведения специальной военной операции, – человек в форме говорит ровно, заученно, – связь потеряна. Числится без вести пропавшим.

Она кивает. Не плачет. Стоит в дверях, и вода с волос капает на порог.

– Будем искать, – добавляет он.

– Можете зайти? – спрашивает кто-то.

– Нет, – говорит Лена. – У меня дочь спит.

Она закрывает дверь. Прислоняется к ней спиной. Смотрит в потолок. В коридоре на вешалке висит куртка Артёма. Она её не снимала с того дня, как он уехал. Теперь снимает. Кладёт на пол.

Потом садится на пол рядом с курткой и начинает плакать. Не громко. Так, что Вика в соседней комнате не слышит.

Соседка за стеной включает телевизор. Оттуда идут новости, но Лена не слышит. Она слышит только своё дыхание и запах куртки – табака, машинного масла, чего-то своего, что никогда не выстирать.

Она утыкается лицом в рукав и сидит так до темноты.

Глава 2 – Тишина

Лена дома: перестали приходить сообщения.

Первые три дня она проверяет телефон каждые десять минут.

Не потому, что ждёт ответа. Потому, что не может перестать. Телефон лежит на столе экраном вверх. Она ставит его так, чтобы видеть, когда моет посуду, когда кормит Вику, когда сидит на диване с пультом в руке. Экран гаснет – она его зажигает. Две серые галочки. «Отправлено».

Сообщение ушло. Значит, оно где-то есть. Висит в воздухе, ждёт, когда Артём поймает сеть. Она представляет это: он сидит где-то в темноте, смотрит на экран, и его пальцы замерзли. Она не знает, где он. Не знает, холодно ли ему. Не знает, спит ли.

Она пишет новое сообщение: «Ты где?» Отправляет. Две серые галочки.

Через час: «Ответь». Две серые.

На третий день она звонит. Гудки идут, но никто не берёт. Она слушает длинные гудки, и они похожи на звук пустого

дома – когда звонишь в квартиру, а там никого. Кладут трубку после десятого.

– Мама, ты чего? – Вика стоит в дверях кухни, трёт глаза. Ей пять лет. Она уже должна спать, но встала попить.

– Ничего, дочка. Иди ложись.

– А папа звонил?

– Скоро позвонит.

Лена убирает телефон в карман халата. Наливает Вике воды. Дочь пьёт маленькими глотками, потом идёт обратно в комнату. У двери останавливается.

– Мама, а почему ты плачешь?

– Я не плачу.

– Плачешь. Я вижу.

Лена трогает лицо. Щёки сухие. Она даже не заметила, когда начала. Нагибается, обнимает Вику.

– Иди спать, маленькая. Завтра в садик.

Вика уходит. Лена остаётся на кухне. Смотрит в окно. На улице темно, фонари горят тускло. Она думает о том, что Артём не ответил на её сообщения. Это бывало раньше – когда связи нет, когда он на выезде. Но раньше он всегда находил способ. Через кого-то, через старшину, через общий чат. Всегда. А теперь нет.

Она берёт телефон, открывает чат. Листает вверх. Их переписка за последние полгода. Она помнит каждое сообщение. Вот он пишет: «Стоим в поле, красота неопишуемая». Фото: поле, серое небо, техника на горизонте. Она тогда от-

ветила: «Какая красота, там же СВО». Он написал: «СВО – это люди. А поле – просто поле».

Она закрывает чат. Открывает снова. Пишет: «Я волнуясь. Ответь, пожалуйста».

Отправляет. Две серые галочки.

Кладет телефон на стол экраном вверх. Идёт в коридор. Там на вешалке висит его куртка. Зимняя, тёмно-синяя, с потёртыми манжетами. Она зачем-то трогает рукав. Ткань холодная. Она знает, что не надо, но подносит рукав к лицу. Запах. Его запах. Табак, пот, что-то ещё. Она стоит так минуту. Потом вешает куртку обратно.

Идёт в ванную. Смотрит на себя в зеркало. Лицо обычное. Ничего не изменилось. Она умывается холодной водой, вытирается. Потом садится на край ванны и смотрит на свои руки.

Ей кажется, что она должна что-то делать. Звонить. Искать. Ехать. Но она не знает, куда. Не знает, кому. Есть военкомат, но туда идти – значит признать, что случилось что-то, чего она не хочет признавать.

Она возвращается на кухню. Берёт телефон. Две серые галочки.

Ночью она не спит. Лежит на своей половине кровати. Вторая половина пустая. Простыня холодная. Она не перестилала её с тех пор, как он уехал. Иногда ей казалось, что она чувствует его тепло. Теперь нет.

Она закрывает глаза. В голове звук гудков. Длинные, ров-

ные. Она считает их: один, два, три... Сбивается. Начинает заново.

Под утро она засыпает. И снится ей Артём. Он стоит в поле, один. Вокруг грязь, туман. Он смотрит на неё, открывает рот, но не говорит ничего. Она хочет подойти, но не может. Ноги не двигаются. Он улыбается – той своей улыбкой, когда хочет сказать что-то важное, но не решается. Потом туман сгущается, и он исчезает.

Она просыпается от будильника. Вика уже стоит рядом, тербит её за плечо.

– Мама, ты проспала. Мы опоздаем.

Лена садится. Телефон на тумбочке. Она берёт его. Экран: «Нет новых сообщений». Две серые галочки так и висят. Не доставлено.

Она убирает телефон. Встаёт. Начинает день.

Звонки, военкомат, состояние «подвеса»

Через неделю она начинает звонить.

Первый звонок – в военкомат. Трубку берут не сразу. Длинные гудки, потом женский голос, усталый:

– Военный комиссариат, слушаю.

Лена представляется. Называет фамилию Артёма, его позывной – Техник, – который она запомнила из его редких рассказов. Говорит, что связь пропала, что он не выходит на связь уже семь дней. Женщина слушает, потом говорит:

– Вас поняла. Информации пока нет. Ждите.

– Что значит «ждите»? – Лена сжимает трубку. – Мне нужно знать, где он.

– Я понимаю ваше волнение. Но данных о его подразделении у нас нет. Обратитесь позже.

– Когда?

– Недели через две.

Трубку кладут. Лена смотрит на телефон. «Недели через две». Она считает дни. Семь уже прошло. Ещё четырнадцать. Три недели. Двадцать один день. Она не знает, можно ли ждать столько.

На следующий день она едет в военкомат сама. Оставляет Вику у соседки. В военкомате очередь. Женщины, пожи-

лые, молодые, все с одинаковыми лицами – застывшими, как воск. Она встаёт в конец. Напротив висит плакат: «Служба по контракту – твой выбор». Цвета яркие, солдат улыбается. Лена смотрит на улыбающегося солдата и не может понять, кто это нарисовал и зачем.

Очередь движется медленно. Каждый раз, когда открывается дверь, оттуда выходит женщина. Кто-то плачет, кто-то идёт молча, глядя в пол. Лена смотрит на них и не узнаёт себя. Она не такая. Она не плачет. Она просто ждёт.

– Следующая.

Она заходит в кабинет. За столом сидит мужчина в форме, лет сорока, с красным лицом. Он смотрит в бумаги, даже не поднимает головы.

– Фамилия.

Она называет. Он что-то ищет в компьютере, листает списки.

– Без вести пропавших? – спрашивает, не поднимая головы.

Лена не отвечает. Слово «пропавших» ударяет её. Она слышит его впервые. Раньше она думала: «связь потеряна», «не выходит на связь», «задержался». А он говорит: «пропавших».

– Я не знаю, – говорит она. – Мне сказали ждать.

Мужчина поднимает глаза. Смотрит на неё. Лицо его меняется – становится мягче, человечнее.

– Знаете, – говорит он тише. – Здесь многие ждут. У нас

пока нет сведений. Если появится – сообщим.

– А если не появится?

Мужчина молчит. Смотрит на неё и молчит. Потом протягивает листок.

– Напишите заявление. ФИО, дата рождения, позывной, если знаете, подразделение – что знаете. Мы отправим запрос.

Лена берёт листок. Ручка не пишет – чернила кончились. Мужчина даёт свою. Она пишет. Рука не дрожит. Она пишет аккуратно, буква за буквой. Артём Сергеевич. Тридцать лет. Инженер-строитель. Мобилизован для участия в специальной военной операции. Позывной Техник. Дальше она не знает. Не знает, где он служит. Не знает, какая часть. Ничего не знает.

– Подразделение не знаю, – говорит она.

– Ничего. Пишите, что знаете.

Она отдаёт листок. Мужчина кивает.

– Ждите. Если что – позвоним.

– Сколько ждать?

– Может, неделю. Может, месяц. Всякое бывает.

Лена выходит из кабинета. В коридоре снова очередь. Женщины смотрят на неё, но никто не спрашивает. Они знают. У всех одно и то же.

Она идёт к выходу. У двери стоит автомат с кофе. Она останавливается. Достает мелочь из кармана, бросает. Кофе тёплый, жидкий, сладкий. Она пьёт его стоя, глядя в окно.

На улице ноябрь. Голые деревья, серый снег. Люди идут, торопятся. Никто не смотрит на военкомат. Никто не знает, что внутри сидят женщины и ждут.

Она выходит на улицу. Достает телефон. Смотрит на экран: две серые галочки. Всё так же. Она убирает телефон, идёт к остановке.

Дома её ждёт Вика. Соседка говорит, что девочка плакала, просилась к маме. Лена забирает дочь, кормит, укладывает. Когда Вика засыпает, она садится на кухню. Телефон лежит на столе. Она берёт его, открывает чат. Листает вверх, туда, где всё было хорошо.

Сообщение Артёма от августа: «Я скучаю. Скоро приеду». Она тогда ответила: «Я тоже скучаю. Жду». Это было за три недели до того, как он уехал. Она помнит тот день. Он сидел на диване, собирал вещи. Она стояла в дверях, смотрела, как он складывает носки, футболки. Хотела что-то сказать, но не сказала. Только спросила: «Долго?» Он ответил: «Нет. Три месяца». Это было четыре месяца назад.

Она закрывает чат. Открывает браузер. Набирает: «без вести пропавший СВО что делать». Выпадают ссылки: форумы, юридические консультации, группы в соцсетях. Она читает. Женщины пишут о том, что ждут месяцами. Пишут о списках, о моргах, о ДНК. Она читает и чувствует, как внутри что-то остывает. Не боль. Боль будет потом. Сейчас – остывание.

Она закрывает телефон. Идёт в коридор. Куртка Артёма

всё ещё висит на вешалке. Она смотрит на неё долго. Потом снимает. Идёт в шкаф, убирает на антресоль. Прячет. Чтобы не видеть.

Возвращается на кухню. Садится за стол. Смотрит на пустую стену. В голове пусто. Она не думает ни о чём. Просто сидит и смотрит на стену.

Телефон молчит.

Ночь: она спит в его футболке, начинает курить

Ночью она лежит в темноте. Телефон на тумбочке экраном вниз. Она перевернула его, чтобы не видеть серых галочек. Но всё равно знает, что они там.

Руки пустые. Она не знает, куда их деть. Раньше, когда он был рядом, она клала ладонь ему на грудь. Спала так. Чувствовала, как сердце бьётся. Медленно, ровно. Он спал крепко, не просыпался от её руки. А она слушала и успокаивалась.

Теперь грудь нечем слушать.

Она встаёт. Идёт в шкаф. Открывает его, достаёт с антресоли вещи, которые убрала днём. Его футболка. Серая, выцветшая, с растянутым воротом. Он носил её дома, когда было тепло. Она помнит, как он ходил в ней по квартире, голый по пояс, с чашкой кофе. Вика говорила: «Папа, ты как медведь». Он рычал, она смеялась.

Лена снимает свою ночную рубашку, надевает футболку. Она ему велика, сползает с плеча. Ткань пахнет стиральным порошком – она стирала её после его отъезда, убрала. Теперь запаха почти нет. Но если сильно прижаться лицом к вороту, что-то остаётся. Не запах – память о нём. Она прижимается. Возвращается в кровать. Ложится. Футболка облегает, хо-

лодная. Она трогает рукава – длинные, закрывают пальцы. Он всегда смеялся, что у него руки длинные, а ей футболки как платья.

Она закрывает глаза. Рука на груди. Сердце бьётся быстро. Её сердце. Не его.

Сон не идёт. Она лежит, слушает тишину. В соседней комнате спит Вика. За стеной что-то гудит – холодильник. На улице ветер. Всё как всегда. Но всё не так.

Она открывает глаза. Смотрит в потолок. Мыслей нет. Только пустота. И в этой пустоте что-то начинает расти. Не страх. Страх был в первые дни. Не отчаяние. Отчаяние будет потом. Сейчас – тупая, тяжёлая тишина, которая давит на грудную клетку.

Она садится. Встаёт. Идёт на кухню. В ящике стола лежит пачка сигарет. Она купила их три дня назад, когда вышла из военкомата. Стояла у ларька, смотрела на пачки, не понимая, зачем. Купила. Спрятала.

Достаёт одну. Держит в пальцах. Не знает, как правильно. Он курил. Она всегда говорила: «Бросил бы». Он говорил: «Потом». Потом не наступило.

Она находит зажигалку – она осталась в куртке, которую она убрала на антресоль. Зажигалка дешёвая, пластиковая, с рекламой магазина. Она щёлкает. С первого раза не получается. Со второго. Огонёк маленький, дрожит. Она подносит к сигарете. Тянет дым.

Горло режет. Она кашляет, сгибается. Дым лезет в глаза,

щиплет. Она хочет бросить, но не бросает. Тянет ещё. Медленнее. Дым теперь не режет, а жжёт, оседает в лёгких. Она чувствует, как голова становится лёгкой, пустой. Это то, что нужно.

Она садится на табуретку, смотрит в окно. На улице темно, фонари горят. Снег пошёл. Крупные хлопья падают медленно, кружатся. Она следит за одним. Он падает, падает, потом подхватывает ветром, уносит в сторону. Она теряет его.

Сигарета догорает. Она тушит её в пустой кружке. Кружка его. С надписью «Лучший папа». Вика подарила на день рождения. Она смотрит на окурок, потом выкидывает в мусорное ведро. Моет кружку. Ставит на место.

Возвращается в спальню. Ложится. Футболка пахнет дымом. Теперь в ней смешались его запах и её. Она чувствует это и не знает, хорошо это или плохо.

Телефон на тумбочке. Она берёт его. Переворачивает. Экран загорается: «Нет новых сообщений». Две серые галочки.

Она пишет: «Спокойной ночи».

Отправляет. Две серые галочки.

Кладет телефон. Закрывает глаза. Руку кладёт на грудь. Сердце бьётся ровнее. Она представляет, что это его рука. Что он рядом. Что он спит и дышит.

Она шепчет в темноту:

– Возвращайся.

Никто не отвечает.

Она засыпает. Футболка сбивается, оголяет плечо. Ей холодно, но она не чувствует.

В коридоре на антресоли лежит его куртка. В кармане – зажигалка и пачка сигарет. Она не знает, что он курил «Винстон». Она купила другие. Не те.

На тумбочке телефон гаснет. Две серые галочки остаются. Они никуда не денутся. Они будут висеть там дни, недели. Пока кто-то не нажмёт кнопку «удалить». Или пока не придёт ответ, которого уже не будет.

Глава 3 – Обряд прощания

Приезжает Надежда Петровна. Конфликт с Леной

Надежда Петровна приезжает на десятый день.

Лена узнаёт о её приезде по звонку в дверь. Не предупредила. Не звонила. Просто встала утром в шесть часов, села на автобус и пятьдесят километров тряслась по разбитой дороге. Лена открывает дверь и видит её – маленькую, в старом пуховике, с авоськой в руке. В авоське банки, свёртки, что-то ещё.

– Здравствуй, – говорит Надежда Петровна. Не здоровается, не обнимает. Стоит на пороге, смотрит мимо Лены, в квартиру.

– Здравствуйте, – Лена отступает. – Проходите.

Надежда Петровна заходит. Осматривает коридор. Вешалка. На ней теперь только её куртка и куртка Вики. Место, где висела куртка Артёма, пустое.

– Где? – спрашивает свекровь. Не уточняет что. Лена понимает.

– Убрала.

– Зачем?

Лена не отвечает. Проходит на кухню, ставит чайник. Надежда Петровна идёт за ней. Садится за стол. Молчит. Смотрит на Лену. Взгляд тяжёлый, не моргает.

– Вы не позвонили, – говорит Лена. – Я бы встретила.

– Я не к тебе. Я к сыну.

– Его нет.

– Я знаю. Потому и приехала.

Чайник закипает. Лена заваривает чай. Ставит перед свекровью кружку. Ту самую, «Лучший папа». Замечает только когда уже поставила. Хочет забрать, но поздно. Надежда Петровна смотрит на кружку. Берёт в руки. Водит пальцем по буквам.

– Вика дарила, – говорит она. – Он тогда ещё не уехал.

– Да.

– Весной было. А теперь осень.

Она ставит кружку. Не пьёт. Смотрит на Лену.

– Что говорят?

– Ничего. Пропал без вести в зоне проведения СВО.

Слово «пропал» повисает между ними. Надежда Петровна кривится, как от боли.

– Не говори так.

– Как?

– «Пропал». Он не пропал. Он жив.

– Я тоже надеюсь.

– Не надеешься. Ты уже всё решила.

Лена смотрит на неё. Не понимает.

– Что решила?

– Ты куртку его убрала. Вещи спрятала. Живёшь, как будто...
то...

Она не договаривает. Лена чувствует, как внутри поднимается что-то. Не злость. Другое. Усталость, которая превращается в жар.

– Как будто что? – голос становится твёрже. – Как будто его нет? Его нет. Десять дней нет связи. Военкомат ничего не знает. Что мне делать? Сидеть и ждать?

– Ждать.

– Я жду.

– Ты не ждёшь. Ты хоронишь.

Лена встаёт. Кружка в её руке дрожит. Она ставит её в раковину, чтобы не разбить.

– Не говорите так, – говорит она, повернувшись спиной. – Вы не знаете, что я делаю. Вы не знаете, как я сплю. Как просыпаюсь. Как смотрю на телефон.

– Я знаю. Я мать.

Лена оборачивается. Смотрит на свекровь. Надежда Петровна сидит прямая, руки на столе. Лицо серое, глаза красные. Она не плакала. Ещё нет.

– Вы мать, – говорит Лена. – А я жена. И я не знаю, жена я или вдова. Понимаете? Я не знаю, что мне делать с собой. С Викой. С его вещами. Если я уберу куртку – значит, похоронила. Если оставлю – схожу с ума каждый раз, когда

смотрю на неё.

– Оставь.

– Не могу.

– Можешь. Ты сильная.

– Я не сильная. – Лена садится напротив. Голос тихий, срывается. – Я слабая. Я не сплю ночами. Я начала курить. Я...

Она замолкает. Не хочет говорить про футболку, про то, как спит в ней. Не хочет, чтобы свекровь знала.

Надежда Петровна молчит. Потом протягивает руку через стол. Берёт Лену за руку. Ладонь у неё сухая, жёсткая.

– Я не тебя виню, – говорит она. – Я себя виню. Я его родила. Я его не уберегла.

– Вы не виноваты.

– Знаю. Но всё равно.

Они сидят так минуту. Потом Надежда Петровна убирает руку. Достает из авоськи банки. Ставит на стол.

– Это тебе. Суп сварила, котлет. Ешь. Ты худая.

– Спасибо.

– Я пойду.

– Куда?

– В военкомат. Сама узнаю.

– Там скажут то же, что и мне. Ждите.

– Я не ждать. Я спрашивать.

Надежда Петровна встаёт. Идёт в коридор. Останавливается у пустой вешалки. Смотрит на неё. Потом переводит

взгляд на Лену.

– Ты не убирай больше вещи, – говорит она. – Пока я не скажу.

– Вы не имеете права.

– Имею. Я мать.

Она открывает дверь. На пороге оборачивается.

– Он жив, – говорит. – Я знаю. Сердце знает.

Дверь закрывается. Лена остаётся одна в коридоре. Смотрит на вешалку. Пусто. Она подходит к шкафу, открывает антресоль. Достает куртку. Вешает на место.

Потом идёт на кухню, открывает банку с супом. Ест. Суп горячий, наваристый. Она ест и плачет. Слёзы текут в тарелку. Она не вытирает.

Появление Игоря (военкомат, первая встреча)

Через два дня Лена снова идёт в военкомат.

Не потому, что надеется узнать что-то новое. Потому что не может сидеть дома. Вика в саду. Квартира пустая. Она ходит из комнаты в комнату, трогает вещи, смотрит в окно. На кухне стоят банки со свекровиным супом – она не доела. Кружка «Лучший папа» стоит в шкафу, и она не может её достать, но и забыть о ней не может.

Лучше идти. Хотя бы знать, что она сделала всё, что могла.

В военкомате та же очередь. Те же лица. Лена встаёт в конец. На ней пуховик, который она носила всю прошлую зиму. Артём тогда сказал: «Купи новый, этот старый». Она не купила. Теперь некуда.

Женщина перед ней оборачивается. Лет пятьдесят, лицо опухшее, волосы седые.

– Вы тоже? – спрашивает.

– Да.

– Сын?

– Муж. Позывной Техник.

Женщина кивает. Не «сочувствую», не «держитесь». Просто кивает. Лена понимает: здесь это лишнее.

Дверь открывается, выходит молодая девушка. Она не плачет – она белая, как бумага. Идёт, не глядя по сторонам. Лена смотрит ей вслед. Женщина перед ней говорит:

– У неё брат. Второй месяц не могут найти.

– Найдут, – говорит Лена. Она не знает, почему говорит это. Просто надо что-то сказать.

– Найдут, – повторяет женщина. Не верит.

Очередь движется. Лена заходит в кабинет. Тот же мужчина с красным лицом. Он узнаёт её.

– Вы снова?

– Да. Что-нибудь известно?

– Пока нет. Мы отправили запрос по позывному Техник.

– Долго ждать?

– Не знаю. Может, неделю. Может, месяц.

Она хочет спросить: «А если месяц? Что тогда?» Но не спрашивает. Выходит.

В коридоре она останавливается. Не знает, куда идти. Домой? Снова смотреть на пустую стену? Снова ждать звонка, которого нет?

Она садится на скамейку в коридоре. Скамейка деревянная, жёсткая. Рядом автомат с кофе. Она не хочет кофе. Просто сидит.

– Вам плохо?

Голос мужской. Негромкий. Она поднимает голову. Перед ней стоит мужчина. Лет тридцати пяти, в тёмной куртке, на плече сумка. Лицо обычное, усталое. Глаза внимательные,

но без навязчивости.

– Нет, – говорит Лена. – Всё хорошо.

– Вы сидите тут уже полчаса.

Она не знала, что полчаса. Ей казалось, пять минут.

– Жду, – говорит она.

– Кого?

Она молчит. Не знает, что ответить. Жду мужа, которого нет? Жду новостей, которых нет? Жду, когда всё закончится?

Мужчина садится рядом. Не вплотную, оставляет расстояние. Кладёт сумку на колени.

– Я здесь работаю, – говорит он. – Волонтёром. Помогаю с документами, с запросами. Если хотите, могу посмотреть.

– Смотрели уже.

– Может, не там.

Лена смотрит на него. В голосе нет слащавости, нет жалости. Просто предложение.

– Артём, – говорит она. – Артём Сергеевич. Позывной Техник. Мобилизован. Часть не знаю.

– Давно пропал?

– Десять дней. Связи нет.

Мужчина кивает. Достает из сумки планшет, открывает что-то. Листает. Лена смотрит на его руки – пальцы в шрамах, ногти обкусаны.

– Пока ничего, – говорит он. – Но запрос ушёл. Это уже хорошо.

– Мне сказали ждать.

– Да. Придётся ждать.

Он убирает планшет. Смотрит на неё. И тут она замечает: у него походка странная. Когда он сел, опираясь на ногу, припадал. Он замечает её взгляд.

– Старое, – говорит. – Тоже оттуда. Сначала Чечня, потом другие места. СВО – уже не моё, возраст не тот. Но помогаю чем могу.

Лена не знает, что сказать. Она не знала, что он ветеран. Не знала, что он понимает. Может, поэтому он сел рядом.

– Муж вернётся, – говорит Игорь. (Она ещё не знает, как его зовут, но запомнит потом.) – Такие, как он, возвращаются.

– Вы вернулись.

– Я вернулся. Но не таким, как уходил.

Он встаёт. Достает из кармана визитку. Протягивает.

– Если будут вопросы – звоните. Я не из военкомата, я снаружи. Могу помочь с бумагами, с запросами. Или просто... если будет плохо.

Лена берёт визитку. «Игорь Николаевич, социальная поддержка ветеранов и семей участников СВО». Номер телефона.

– Спасибо, – говорит она.

– Не за что.

Он идёт к выходу. Хромает. Левая нога плохо сгибается. Лена смотрит ему вслед. На визитке номер. Она кладёт её в

карман.

Выходит на улицу. Снег идёт. Она подставляет лицо. Холодно. Хорошо. Она идёт к остановке. В кармане визитка шуршит. Она не выкидывает её.

Дома она вешает куртку. Смотрит на визитку. Кладёт на стол. Потом убирает в ящик.

Телефон молчит.

Она сидит на кухне, смотрит на шкаф, где стоит кружка «Лучший папа». Внутри пусто. Она не плачет. Просто сидит.

Вечером Вика спрашивает:

– Мама, а папа скоро приедет?

– Скоро, – говорит Лена. – Скоро.

Она укладывает дочь. Возвращается на кухню. Достает визитку. Смотрит на номер. Убирает обратно.

Ночью она снова спит в его футболке. Но теперь на тумбочке лежит визитка. Она не знает зачем. Просто лежит.

Лена на лавочке: Игорь молча сидит рядом

Через четыре дня Лена снова идёт в военкомат. Уже не за новостями – за привычкой. Выйти из дома, пройтись, почувствовать холод. Дома стены давят. Вика в саду, и в квартире слишком тихо. Она слышит, как тикают часы на кухне. Раньше не слышала.

В военкомате очередь меньше. Она не заходит внутрь. Садится на лавочку у крыльца. Лавочка деревянная, мокрая. Она сидит, смотрит на дорогу. Машины едут, люди идут. Обычный день. Никто не знает, что она здесь уже полчаса.

Мимо проходит женщина, та, из очереди, с седыми волосами. Кивает. Лена кивает в ответ. Женщина уходит. Лена остаётся одна.

Она не плачет. Просто сидит. Руки в карманах пуховика. В одном кармане – скомканная салфетка, в другом – визитка Игоря. Она не достаёт её, но чувствует пальцами край картона.

– Можно?

Она поднимает голову. Игорь стоит рядом. На нём та же тёмная куртка, сумка через плечо. Он смотрит на неё, потом на лавочку.

– Да, – говорит Лена.

Он садится. Не близко. Кладёт сумку на колени. Молчит. Лена смотрит перед собой. Ей не хочется говорить. Но и уходить не хочется.

– Я не за новостями, – говорит она. – Просто... не знаю.

– Понимаю.

Он тоже смотрит на дорогу. Лена замечает, что он дышит тяжело – может, от ходьбы, может, нога болит.

– Вы здесь работаете каждый день? – спрашивает она.

– Почти. Когда надо.

– А сегодня надо?

– Сегодня надо. У одной женщины сын пропал. Документы потерялись. Помогаю восстановить.

Он не смотрит на неё. Говорит ровно, без лишних интонаций. Лена чувствует, что он не ждёт от неё ответа. Не требует участия. Просто сидит рядом. Это странное чувство – когда человек рядом, но не давит. Она думает о том, что давно не сидела вот так с кем-то, кто не спрашивает «как ты», не говорит «держитесь», не смотрит с жалостью.

– Вы давно волонтерите? – спрашивает она, чтобы что-то сказать.

– Два года. После того, как сам комиссовался окончательно.

– А до этого?

– До этого пытался жить обычной жизнью. Не получилось.

Лена поворачивается к нему. Он смотрит на свои руки. Пальцы сцеплены на сумке. Она замечает, что у него нет об-

ручального кольца.

– Извините, – говорит она. – Я не хочу... лезть.

– Ничего. Я сам начал.

Молчат. Снег идёт, мелкий, колючий. Лена поднимает воротник.

– Ваш муж, – говорит Игорь. – Он военный?

– Нет. Инженер. Мобилизовали.

– Понятно.

Он говорит это без оценки. Не «жаль», не «герой». Просто констатирует. Лена чувствует, что это правильно. Не надо слов.

– Я вчера звонила, – говорит она. – В часть. Сказали, что данных нет. Что, если найдётся, дадут знать.

– Это нормально. Такое бывает. Связь теряют, потом находят.

– Вы верите?

Он молчит. Долго.

– Верю, – говорит наконец. – Потому что если не верить, то зачем тогда всё.

Она не спрашивает, что значит «всё». СВО? Его жизнь? Её ожидание? Не спрашивает.

Мимо проходит мужчина в форме, кивает Игорю. Тот кивает в ответ. Лена замечает, что здесь его знают. Он свой.

– Я пойду, – говорит Игорь. Встаёт. – Мне нужно документы отвезти.

– Спасибо, что посидели.

– Не за что.

Он делает шаг, останавливается. Достает из кармана шоколадку. Простую, молочную. Протягивает.

– Это не мне, – говорит он. – У вас дочь, да?

Лена смотрит на шоколадку. Не понимает.

– Откуда вы знаете?

– Вы в прошлый раз говорили. Сказали, что укладываете спать. Я запомнил.

Она берёт шоколадку. Пальцы касаются его пальцев. Ладонь тёплая, несмотря на холод.

– Спасибо, – говорит она.

– Держитесь.

Он уходит. Хромает. Лена смотрит ему вслед, пока он не скрывается за поворотом. Потом смотрит на шоколадку. Кладёт в карман.

Встаёт. Идёт к остановке.

Дома она достаёт шоколадку, кладёт на стол. Потом убирает в шкаф – Вике на завтра. На кухне тихо. Часы тикают. Она смотрит на шкаф, где стоит кружка «Лучший папа». Не трогает.

Достаёт визитку из кармана. Смотрит на номер. Кладёт на стол рядом.

Вечером, когда Вика спит, она достаёт телефон. Открывает чат с Артёмом. Две серые галочки. Она пишет: «Я ску-чаю». Отправляет. Две серые.

Потом открывает визитку. Смотрит на номер. Не звонит.

Ложится. На ней футболка Артёма. Она пахнет уже не им, а стиральным порошком и дымом. Лена закрывает глаза. Пытается представить его лицо. Получается с трудом. Она пугается этого.

Встаёт, идёт на кухню, наливает воды. Стоит у окна. На улице темно, фонари горят. Она смотрит на своё отражение в стекле. Чужое лицо.

Возвращается в спальню. Ложится. Телефон на тумбочке. Рядом – визитка. Она поворачивает её лицом вниз.

Засыпает.

Утром Вика находит шоколадку в шкафу.

– Мама, это мне?

– Тебе.

– А кто дал?

– Добрый дядя.

Вика разворачивает фольгу, ломает кусочек. Жуёт.

– А папа тоже даёт шоколадку, – говорит она.

Лена не отвечает. Смотрит, как дочь жуёт.

– Мама, а папа скоро вернётся?

– Скоро.

– А он привезёт шоколадку?

– Привезёт.

Вика улыбается. Лена улыбается в ответ. Потом отворачивается, идёт на кухню.

Достаёт из шкафа кружку «Лучший папа». Моет её. Ставит на стол. Не прячет больше. Пусть стоит.

Потом достаёт визитку. Смотрит. Кладёт обратно в ящик.

Выходит из дома. Идёт в сад вести Вику. Снег тает. На дороге слякоть. Она идёт и не знает, куда пойдёт после сада. Домой? В военкомат? Или просто посидеть на лавочке?

Телефон в кармане. Две серые галочки.

Глава 4 – Сосна

Артём в подвале у местных жителей: бред, боль.

Сознание возвращается кусками.

Сначала звук. Капает вода. Где-то рядом, ровно, без остановки. Кап. Кап. Кап. Артём считает капли, потому что это единственное, что можно считать. Потом понимает: он слышит не воду. Это его сердце. Бьётся в ушах.

Потом запах. Сырой подвал. Земля. Гниль. И что-то ещё – горячее, металлическое. Кровь. Его кровь. Он узнаёт этот запах теперь. Научился.

Потом боль.

Она возвращается не сразу. Сначала он не понимает, где тело. Кажется, оно отдельно, где-то в стороне. Он пробует пошевелить пальцами – не знает, получилось или нет. Пробует открыть глаза – веки тяжёлые, как бетонные плиты.

– ...шевелится, – голос женский, тихий. – Смотри, шевелится.

– Дай ему время. – Мужской голос. Низкий, спокойный.

Артём открывает глаза. Над ним – деревянный потолок.

Низкий, в трещинах. Слева – стена из камня. Справа – какая-то тряпка, висит на верёвке. Он не понимает, где он. Пытается повернуть голову – шея не слушается.

– Не двигайся, – голос женский, ближе. – Лежи.

Он поворачивает глаза. Женщина. Лет пятьдесят, лицо усталое, в морщинах. Платок на голове. Она сидит рядом на табуретке, в руках кружка.

– Где я? – Голос чужой, хриплый. Горло пересохло.

– У нас. В подвале. Свои мы. Местные.

Он пытается вспомнить. Лес. Воронка. Кровь. Костя ушёл. Потом – лица. Старик в ушанке. Женщина. Они тащили его.

– Нога, – говорит он.

– Нога здесь, – женщина кивает вниз. – Доктора нет, мы сами. Перевязали. Жгут сняли, кровь остановилась. Но... – она замолкает.

– Что?

– Плохо, сынок. Очень плохо.

Артём опускает взгляд. Нога лежит на какой-то подстилке, замотана бинтами. Бинты грязные, в тёмных пятнах. Нога кажется чужой. Он не чувствует её.

– Немеет, – говорит он.

– Это от жгута. Может, пройдёт. Может... – она не договаривает.

В подвале темно. Свет идёт от керосиновой лампы, стоит на ящике в углу. Тени прыгают по стенам. Холодно. Артём

дрожит, хотя на нём накинуто что-то тёплое – тулуп, старый, пахнувший овчиной.

– Пить, – говорит он.

Женщина подносит кружку к его губам. Вода тёплая, пахнет дымом. Он пьёт медленно, глотает с трудом. Горло режет.

– Как вас зовут? – спрашивает он.

– Марья Ивановна. А мужа – Николай. Он наверх пошёл, смотреть.

– Спасибо.

– Не за что. Не бросать же.

Она отставляет кружку. Поправляет на нём тулуп. Руки у неё тёплые, шершавые.

– Сын у меня, – говорит она. – Тоже там. На СВО. Второй месяц. Не пишет.

Артём закрывает глаза. Ему хочется сказать что-то, что её утешит. Но слов нет. Он сам теперь часть этой тишины, в которую уходят мужчины.

– Вернётся, – говорит он. – Ваш сын.

– Дай бог. И ты вернись.

Он снова проваливается. В этот раз темнота приходит быстрее. Он слышит, как Марья Ивановна говорит что-то, но слова уже не складываются. Он думает о Лене. О Вике. О доме, где всё ещё ждут.

В бреду ему кажется, что он дома. Сидит на кухне, пьёт чай из кружки «Лучший папа». Лена сидит напротив, смотрит

рит на него. Она что-то говорит, но он не слышит. Он смотрит на её губы, пытается прочитать. И не может.

Потом она встаёт, уходит. Он хочет пойти за ней, но нога не двигается. Он кричит, но голоса нет.

– Тише, тише, – голос Марьи Ивановны пробивается сквозь бред. – Спи, сынок. Всё будет.

Он хватает её за руку. Сильно, не отпускает.

– Не уходи, – говорит он. Или ему кажется, что говорит.

– Никуда я не уйду.

Он чувствует, как она гладит его по голове. Рука тяжёлая, но осторожная. Как мать. Он давно не чувствовал этого.

– Мама, – говорит он.

– Спи.

Он закрывает глаза. В темноте снова капает вода. Кап. Кап. Кап. Теперь это не сердце. Это вода. Где-то в углу подвала течёт труба. Он слушает этот звук и медленно уплывает.

Флэшбек-бред: дом, покрытый пылью

Темнота становится другой. Не той, где нет ничего. Эта темнота – плотная, тёплая, она держит его, как вода. Артём плывёт в ней, не знает, где верх, где низ. Ему не больно. Ему вообще ничего не нужно. Можно просто плыть, и это хорошо.

Но потом появляется свет. Не яркий, не резкий. Серый, как зимнее утро. Он идёт откуда-то сверху, и Артём поднимается к нему, сам не понимая зачем. Тело слушается – он идёт. Нога не болит. Ноги вообще нет. Он идёт, но не чувствует опоры.

Он оказывается перед домом.

Дом старый, деревянный. Тот, где он вырос. Калитка крашеная, зелёная, краска облупилась. Слева – сосна. Та самая. Высокая, ствол в пол-обхвата. В детстве он лазил по ней, до самых верхних веток. Мать кричала снизу: «Слезь, убьёшься!» Он не слезал. Ему было хорошо там, наверху. Он видел всё: крыши соседних домов, поле за огородом, дорогу, которая уходит к лесу.

Сейчас сосна стоит. Та же. Ветви ниже, чем он помнит, или он стал выше.

Он открывает калитку. Петли скрипят. Двор пустой. Снег

не убран, лежит ровно, никто не ходил. Крыльцо – доски прогнулись. Он поднимается, открывает дверь.

В доме тихо. Часы на стене стоят. Стрелки замерли на трёх. Он не помнит, который час. Он вообще не помнит, когда был здесь в последний раз. Половицы скрипят под ногами. Он идёт в комнату матери.

В комнате всё на своих местах. Кровать, застеленная покрывалом. Стол, на нём скатерть с бахромой. Шкаф, на нём фотографии. Но всё покрыто пылью. Толстым слоем, как будто здесь никто не жил годами. Артём проводит пальцем по столу – пыль остаётся на подушечке. Он трёт пальцы, но она не стирается.

– Мам? – зовёт он.

Тишина.

Он идёт на кухню. Здесь тоже всё по-старому. Печь, стол, табуретки. На столе – его кружка. Детская, с клоуном. Он пил из неё молоко, когда был маленьким. Кружка стоит, наполненная чем-то тёмным. Он наклоняется – пыль. Кружка полна пыли.

Он выходит во двор. Сосна шумит. Ветки качаются, хотя ветра нет. Он подходит к стволу, трогает кору. Она шершавая, живая. Единственное живое здесь.

– Ты пришёл, – голос матери.

Он оборачивается. Надежда Петровна стоит на крыльце. Она молодая – какой он помнит её, когда ему было семь. В фартуке, волосы собраны в пучок. Она улыбается.

– Ты пришёл, – повторяет она.

– Мам, что здесь? – спрашивает он. – Почему всё в пыли?

– Ты давно не был.

– Я не мог.

– Мог. Просто не хотел.

Она спускается с крыльца. Идёт к нему. Он хочет обнять её, но она проходит мимо, останавливается у сосны. Гладит ствол.

– Ты помнишь эту сосну? – спрашивает она.

– Помню.

– Ты упал с неё один раз. Сломал руку.

– Я не падал. Я спрыгнул.

– Спрыгнул? – Она поворачивается к нему. – Зачем?

– Не знаю. Просто захотелось.

Она смотрит на него долго. Потом говорит:

– А сейчас тоже спрыгнешь?

Он не понимает.

– Сейчас некуда прыгать, – говорит он.

– Всегда есть куда.

Она подходит к нему. Берёт его лицо в ладони. Ладони холодные.

– Ты жив, – говорит она. – Помни это.

– Я знаю.

– Знаешь, но не чувствуешь.

Она убирает руки. Отступает. Дом за её спиной начинает меняться. Краска отслаивается, доски темнеют. Окна стано-

вятся мутными. Сосна остаётся прежней.

– Иди, – говорит мать. – Тебе пора.

– Куда?

– Туда, где тебя ждут.

Она улыбается. Последний раз. Потом исчезает. Дом исчезает. Остаётся только сосна. Она стоит одна в сером пространстве, и её ветви тянутся к нему.

Он хочет подойти, но не может. Нога возвращается – и боль вместе с ней. Он падает на колено, кричит, но звука нет. Сосна уходит вверх, становится тоньше, выше. Он смотрит на неё, пока она не превращается в точку.

– Вернись, – говорит он.

Никто не отвечает.

Эвакуация, путь госпиталями

Он приходит в себя от того, что его несут.

Тряска. Где-то рядом урчит мотор. Он лежит на чём-то жёстком, укрытый чем-то тяжёлым. Открыть глаза – веки не слушаются. Он слышит голоса. Мужские, чужие.

– ...в госпиталь. Прямо сейчас.

– Ногу, говорят, не спасут.

– А сам?

– Живой. Но долго так не протянет.

Его переключивают. Кто-то берёт под плечи, кто-то за ноги. Боль вспыхивает, проходит по позвоночнику, ударяет в затылок. Он хочет закричать, но вместо крика – хрип.

– Тише, тише, браток.

Голос новый. Молодой, но спокойный. Артём чувствует, как его ставят на что-то мягкое. Машина? Санитарная машина. Он слышит звук – такой он слышал раньше, когда ездил на скорой. Теперь он сам на ней.

– Как его? – спрашивает кто-то.

– Техник. Позывной Техник.

– Наши?

– Наши.

Дверь захлопывается. Машина трогается. Артём лежит с закрытыми глазами. Под ним трясёт, но не так сильно, как

на земле. Рядом кто-то есть. Он чувствует дыхание.

– Ты слышишь меня? – голос того, молодого.

Артём пробует кивнуть. Получается. Чуть-чуть.

– Держись. Сейчас довезём.

Машина едет долго. Или ему кажется, что долго. Он теряет время, то проваливаясь, то выныривая. Каждый раз, когда выныривает, рядом кто-то есть. Меняются лица. Сначала молодой парень в камуфляже. Потом женщина в белом халате. Потом снова мужчина, но другой, с бородой, в свитере.

– Как нога? – спрашивает женщина.

– Не чувствую.

– Это хорошо. Больно будет потом.

Он не понимает, хорошо это или плохо. Ему ставят укол. Боль уходит куда-то глубже, в место, где её не слышно. Голова становится лёгкой, пустой. Он смотрит в потолок. Потолок белый. Он не в машине уже. Он в комнате. В палате?

– Техник? – голос рядом.

Он поворачивает голову. Соседняя койка. Мужчина, лицо забинтовано, видны только глаза. Смотрит на него.

– Ты откуда? – спрашивает тот.

Артём не отвечает. Он не знает, откуда. Он знает, куда ехал, но откуда – не помнит.

– Ты как? – спрашивает сосед.

– Живой, – говорит Артём. Голос чужой, сухой.

– Это главное.

Сосед отворачивается. Артём смотрит в потолок. Белый,

чистый. Не небо. Потолок. Он жив. Он под потолком. Он в безопасности.

Он закрывает глаза. В голове – сосна. Стоит одна в сером пространстве. Ветви тянутся к нему.

– Я здесь, – шепчет он.

Никто не слышит.

В госпитале он лежит три дня, прежде чем к нему возвращается способность думать.

Не помнить. Не проваливаться. Думать.

Врачи приходят утром и вечером. Смотрят ногу. Качают головами. Говорят что-то про осколки, про кость, про то, что вовремя наложили жгут. Он не слушает. Он слушает, как капает вода. Теперь это не его сердце. Это капельница. Жидкость стекает по прозрачной трубке в вену. Кап. Кап. Кап.

На третий день он просит телефон.

– Зарядили? – спрашивает медсестра. – Ваш телефон. Привезли с собой, севший.

– Дайте.

Она приносит. Экран тёмный. Он нажимает кнопку – зарядки нет. Медсестра смотрит на него.

– Сейчас найдём розетку.

Она ставит телефон на тумбочку, вставляет зарядку. Артём смотрит на экран. Чёрный. Он ждёт. Проходит минута. Две. Экран загорается.

Он берёт телефон. Руки дрожат. Открывает чат.

Две серые галочки. Все его сообщения, которые он писал

в воронке: «Я жив», «Жди», «Прости». Все висят. Не доставлено.

Он смотрит на них долго. Потом пишет новое: «Я жив. Я в госпитале. Скоро позвоню».

Отправляет. Две серые галочки.

Смотрит на экран. Ждёт. Две серые.

Он знает, что сеть здесь есть. Медсестра говорила. Значит, сообщение ушло. Значит, оно где-то там. Ждёт, когда Лена откроет телефон. Или уже открыла. Или нет.

Он ждёт. Минуту. Пять. Десять.

Экран гаснет.

Он переворачивает телефон экраном вниз. Кладёт на тумбочку. Смотрит в потолок.

– Жив, – говорит он тихо. – Я жив.

Сосед с забинтованным лицом поворачивается к нему.

– Ты кому?

– Себе, – говорит Артём.

Он закрывает глаза. В темноте снова сосна. Но теперь она не одна. Под ней стоит дом. Маленький, деревянный. Из трубы идёт дым.

Он смотрит на дым, пока тот не растворяется в небе.

Глава 5 – Призрак

Госпиталь: Артём учится ходить заново

Нога теперь – не его.

Он смотрит на неё и не узнаёт. Когда сняли повязки впервые, он отвернулся. Не от боли – от того, что увидел. Кожа синевато-жёлтая, швы чёрными нитками стягивают то, что должно было быть ровным. Колено – огромное, распухшее. Пальцы шевелятся, но он не чувствует их.

– Будет ходить, – сказал хирург. Молодой, с усталыми глазами. – Но не скоро.

– Когда? – спросил Артём.

– Если повезёт – через полгода. Если нет – дольше.

Он не спросил, что значит «если нет». Не хотел знать.

Сейчас он сидит на койке, свесив здоровую ногу. Костыли стоят рядом, прислонённые к тумбочке. Он смотрит на них уже десять минут. Медсестра сказала: «Сегодня начинаем». Она принесла костыли утром, поставила и ушла. Сказала, что он сам должен сделать первый шаг.

– Не могу, – говорит он вслух. Никто не слышит. Сосед,

тот, с забинтованным лицом, вчера уехал. В другую палату или домой – Артём не спросил. Теперь он один.

Он берёт костыли. Они лёгкие, алюминиевые. Он опирается на них, пробует встать. Здоровой ногой – хорошо. Больную – не сразу. Переносит вес, и нога отвечает болью. Не острой, не режущей. Другой. Тупой, давящей, как будто что-то внутри сжимается и не отпускает.

Он стоит. Держится за костыли. Пот катится по лицу, хотя в палате холодно.

– Ну, – говорит он себе. – Ну.

Пробует шагнуть. Костыли вперёд, потом здоровая нога. Больная волочится следом, не сгибается. Он смотрит на неё и не верит, что это его нога. Она чужая. Он её не чувствует.

– Ещё.

Второй шаг. Третий. Он доходит до кровати соседа, поворачивается. Палата маленькая, четыре шага от койки до койки. Но ему кажется, что он прошёл километр.

Садится на соседскую койку. Дышит. Руки трясутся.

– Неплохо, – говорит голос в дверях.

Он поднимает голову. Мужчина в больничном халате, на костылях, как и он. Одна штанина закатана, под ней – протез. Лицо молодое, лет двадцать пять, лысое, с родинкой на щеке.

– Первый раз? – спрашивает мужчина.

– Да, – говорит Артём.

– Я тоже так начинал. Сейчас вон, бегаю почти.

Он подходит к своей койке – той, что у окна. Костыли ста-

вит к стене, садится. Снимает протез, трёт культю.

– Как звать? – спрашивает.

– Артём.

– А по позывному?

– Техник.

– Я Череп. – Он усмехается. – Бывший. Теперь просто Серёга.

Артём смотрит на него. Серёга лет на пять младше, но глаза старше. Спокойные, пустые.

– Давно здесь? – спрашивает Артём.

– Третий месяц. Скоро выписывают. А ты?

– Неделю.

– Нога?

– Осколки. Колено раздробило.

Серёга кивает. Смотрит на свою культю, потом на ногу Артёма.

– Колено – это сложно, – говорит он. – Ногу, может, спасут. Мне вот не спасли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.